

«Инструмент — это твой друг, твое второе лицо, твоя душа, ты не имеешь права быть нечестным по отношению к нему»

Ирина СИЛАНТЬЕВА

Руки нехотя расстались с роялем: в Шуваловской гостиной умолкли последние созвучия забытой музыки Метнера. Душа высказалась, и наступила блаженная опустошенность — предвестник смутных томлений и неутолимого желания рассказывать людям о них самих на языке звуков, понятном каждому сердцу. В этом заключен смысл жизни для Мирославы. Ее нарекли Славой Мира, а ведь имя человека — это символ его судьбы.

Мирослава МАРЧЕНКО,
лауреат
международного
конкурса им.
Владигерова
в Болгарии, лауреат
фортепианного
конкурса дуэтов им.
Балакирева
в России, дипломант
международного
конкурса им. Бузони
в Бальцано
и международного
фестиваля
в Испании.

и жюри, на мой взгляд, весьма компетентное: опытные педагоги Новгородского училища, известные пианисты из Канады, Франции, Югославии. Москву представит лауреат конкурса им. Чайковского А. Писарев. Все мы, члены жюри, будем выступать с сольными концертами, популяризируя идею, что жюри должно быть играющим, молодым и абсолютно независимым.

— Кто спонсирует эту замечательную задумку?

— Банки и коммерческие фирмы Новгорода. Там много энтузиастов, которые стоят за возрождение традиций маленьких провинциальных городов с их огромным творческим потенциалом и хотя, подним этот мощный культурный пласт, сделать Новгород столицей северной культуры.

— Мирослава, скажите, что для вас в жизни значит рояль?

— Мой рояль? Жизнь моя! Я с ним разговариваю. К этому ревностно относится семья, но рояль — единственный, которому, хорошо

«ОЧАРОВАННАЯ ДУША»

Максилья. — 1995 — апр (№ 14) — с. 9

— Скажите, Мирослава, как случилось, что музыка Николая Метнера — эта застенчиво-прекрасная Незнакомка, прошла мимо меломанов и музыкантов?

— Эту музыку нельзя полюбить сразу, она, подобно золотой прозе Паустовского, живописи Врубеля, открывается не вдруг. В произведениях Метнера философская глубина всегда сочетается с абсолютной детскостью, и это для меня привлекательно, такая чистота мышления. А Метнера трудно играть, потому что он — романтик с радостным мироощущением. Как играть этот свет, рожденный из трагического сумрака? Композитор закончил свои дни в Англии, тоскуя по нашей зиме. Метнер — великий русский художник, давший совершенно новое направление в музыке, которое, думается, на нем и оборвалось.

— Практически, вы поднимаете неигранный пласт русской музыки серебряного века?

— В основном да. Сейчас эта музыка не играет; молодежь берет самое яркое, броское, не понимая, сколько в музыке Метнера свежести, новизны. Перед поездкой на фестиваль в Испанию я выучила Трагическую сонату, и она пользовалась бешеным успехом, — оказалось, Метнера там знают гораздо лучше, чем у нас. С тех пор я живу идеей донести до наших слушателей его сказки, вокальные сонаты, ноктюрны, квинтет, чтобы люди услышали эту красоту.

Кроме того, чтобы заинтересовать филармонию и получить возможность концерттировать, я всегда стараюсь предложить то, что никто не играет. Поэтому самая близкая к завершению программа состоит из произведений, практически у нас не звучавших: это «Романсы» и «Сонаты» Паганини для гитары и фортепиано, «Вариации для фортепиано» с гитарой Перселла, вариации Брамса на тему Шумана, посвященные Кларе Вик, шотландские вариации Мендельсона. Задуманы «Белое и черное» Дебюсси, балет Стравинского «Игра в карты», специально переложены для двух роялей композитором Л. Десятниковым. Но пока нет перспективы — для кого это делать.

— Вы стоите на пороге тридцатилетия: в приближении к этой знаменательной дате сбылась ли ваша мечта?

— Увы, нет. У меня мечта, может быть, самая примитивная; чтобы сложились обстоятельства, которые дали бы мне возможность как можно больше выступать с концертами. Это не тщеславие: я знаю свои возможности.

— Каковы у вас, педагога ЦМШ, основные критерии в работе с детьми?

— Сделать их музыкантами не только в профессиональном смысле, то есть играть громко и технично, но и раскрыть их индивидуальность, научить быть интересными в исполнении. Во-вторых, приучить к мысли: если ты сел за инструмент, то не имеешь права быть нечестным по отношению к нему — это твой друг, твое второе лицо, твоя душа. Приобретение технических навы-

ков в конечном счете зависит от педагога, а вот звучанию научить нельзя, это — от природы.

— Вы участвовали во многих конкурсах; в чем, на ваш взгляд, их достоинства и недостатки?

— Если бы это было в моих силах, я бы ликвидировала конкурсы, потому что они развращают молодых исполнителей, создают стереотип музыкантов, превращают искусство в спорт. Конкурс не позволяет музыканту показать себя как художника, потому что существуют навсегда устоявшиеся критерии. Поэтому яркие исполнители, как правило, не выигрывают первенства в конкурсах, к тому же изобилующих сложными подводными течениями. Отрицательный момент еще в том, что конкурсы не развивают у музыкантов потребности учить новую музыку, ведь набор обязательных произведений «туляет» из программы в программу год за годом. Задевает то, что исполнителя не всегда оценивают члены жюри, которым ты по-музыкантски доверяешь, они для тебя не авторитеты. Хотя порой в жюри сидит признанный музыкант с невероятным количеством премий, в его собственной игре все буднично и поверхностно. Лично для меня вывилось одно достоинство в конкурсах: я научилась работать без инструмента, абстрагируясь в любой ситуации, не обращать внимания на пакости. В Бальцано, например, мне в номер после каждого удачно сыгранного тура подбрасывали билеты на самолет — в надежде, что у меня сдадут нервы...

— И тем не менее вы согласились возглавить конкурс, который пройдет в Нижнем Новгороде в июне этого года. В условиях его есть какое-то принципиальное отличие от других?

— Идея такого конкурса для детей и юношества возникла неожиданно. В 1992 году глава фирмы «Майстер-класс» А. С. Лушин пригласил меня председательствовать в жюри на конкурсе, проходившем в рамках Новгородского фестиваля, посвященного С. Рахманинову. Тогда и было решено каждые два года проводить конкурсы фортепианной музыки в Новгороде. Мне было поручено работать над программой: в том виде, в каком прошел конкурс 1992 года, я его принять не могла. Если уж судьба меня такой честью удостоила, я сочла необходимым воплотить идею популяризации русских музыкальных жанров, начиная от М. Глинки вплоть до сочинений современных композиторов, конечно, включая и Н. Метнера.

Особенность в том, что конкурс рассчитан только на учащихся музыкальных семилеток, ЦМШ не имеют права участия. Возраст не ограничен: вундеркинд может проявиться и в три года, и в шестнадцать лет. Программу я составила так, что не самый технически одаренный, но тем не менее талантливый человек сможет подобрать произведения по силам. Наша задача — не пропустить таких детей. Конкурс этот — международный,

мне или плохо, я могу сказать все. Иногда он раздражает меня тем, что притягивает к себе. Я негодую, если на него что-то кладут, кроме ног: это все равно, как человеку на спину сковородку положить! Когда я выхожу на сцену, думаю: как же мне уговорить инструмент, чтобы он мне ответил! Я договариваюсь с ним и встаю всегда ужасно счастливая.

— Как вам удается готовить сложные концертные программы, перемежая их заметками о сыне и муже, между кухней и стиральной машиной?

— В последнее время я пришла к тому, что не надо много заниматься на рояле. Если внутри все сложилось и знаешь, как это будет сыграно, когда готова внутренне — остается самое малое — выйти и сыграть. Во мне все время живут несколько программ, и они все время где-то внутри меня пересекаются — между кастрюлями и ребенком, и вдруг однажды какая-то из них берет верх, и заставляя меня в ней жить. Я бываю обесилена после концерта, но утром возникает ощущение крыльев. А во мне уже живет другая программа.

— Каких принципов вы придерживаетесь в воспитании вашего малыша?

— Я плохой воспитатель, потому что очень люблю его. Пока иду по самому примитивному пути: наблюдаю, как он развивается, чтобы найти правильное применение его сил. Музыка, кажется, не вызывает в нем отвращения, он называет ноты, которые уже запомнил. Ведь он пережил со мной до и после своего рождения подготовку к международному конкурсу, и уже побывал на репетиции с оркестром: больше всего ему понравились барабан и арфа.

— Вы волнуетесь перед каждым концертом?

— Обязательно. Когда волнения нет, наступает ощущение тревожной пустоты. Сильное эмоциональное состояние, которое я переживаю после концерта, можно сравнить только с рождением ребенка: я сделала самое лучшее в своей жизни. Потом, конечно, наступает самый жестокий самоанализ. Мне дорого, когда слушатели говорят: вы как настоящая драматическая актриса на сцене... Я ставлю перед собой такую цель, для меня не существует игры ради игры.

— Считаете ли вы, что истинное творчество — от Бога?

— Но это тоже высшая степень артистизма — уметь принять высшую силу. На кого-то это снисходит, кто-то должен создать состояние это искусственно. Иногда ведь бывает, что идешь на сцену и не знаешь, что делать: только что ехала в концертный зал на метро с пересадками; перекрыта линия — ты бежишь на другой переход, думаешь: Боже, какой сейчас Чайковский, какой вообще может быть Вах, какая Чакона!!! И вдруг — берешь первый аккорд, в одно мгновение внутри что-то просыпается и уводит в совершенно иной прекрасный мир, в котором всегда есть место моим слушателям.